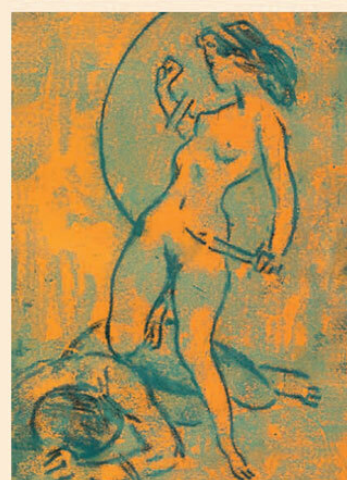
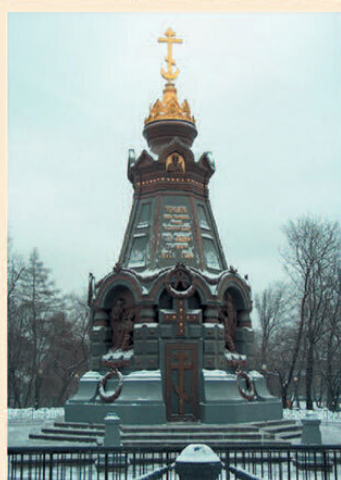
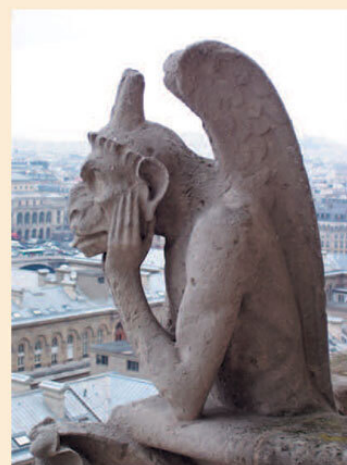

ЗАЩИТНИКИ И СОЗИДАТЕЛИ
РОССИИ

Андрей Шолохов

*Полководец, Суворову равный,
или Минский корсиканец,*
Михаил Скобелев

Русские витязи: защитники и созидатели России

Андрей Шолохов

**Полководец, Суворову
равный, или Минский
корсиканец Михаил Скобелев**

ООО «ЮниВестМедиа

2002

УДК 335.48 (47+57)
ББК 63.3 (2) 5-8

Шолохов А. Б.

Полководец, Суворову равный, или Минский корсиканец
Михаил Скобелев / А. Б. Шолохов — ООО «ЮниВестМедиа,
2002 — (Русские витязи: защитники и созидатели России)

ISBN 978-5-903822-01-2

В монографии кандидата исторических наук на основе архивных материалов и многочисленных литературных источников впервые в российской литературе в столь полной форме рассказывается о самом популярном русском военачальнике второй половины XIX века Михаиле Дмитриевиче Скобелеве, прозванном за свое пристрастие к белым лошадям и кителям «белым генералом». Его слава связана как с русско-турецкой войной 1877–1878 годов, освободившей балканских славян от почти пятивекового османского ига, так и с присоединением Туркестана (Средней Азии) к России – процессом хотя и прогрессивным, но не лишенным жестокостей. В характере этого сложного человека тесно переплелись отвага и честолюбие, доходившие до авантюризма, либеральные убеждения и консерватизм, вера в объединение славян и бонапартизм. Обстоятельства смерти генерала, его таинственные связи с масонами и по сей день таят в себе загадку. Оригинальные версии случившегося приводятся автором. События повествования разворачиваются на фоне переломной исторической эпохи, имеющей определенные аналоги в сегодняшней российской действительности.

УДК 335.48 (47+57)
ББК 63.3 (2) 5-8

ISBN 978-5-903822-01-2

© Шолохов А. Б., 2002

© ООО «ЮниВестМедиа, 2002

Содержание

От автора	6
Глава первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андрей Шолохов

Полководец, Суворову равный, или Минский корсиканец Михаил Скобелев

От автора

Не раз случалось, что люди, когда-то бывшие у всех на виду, затем не оставляли заметного следа в памяти народной. Но бывало и так, что личности, много сделавшие для своей Родины, намеренно вычеркивались из истории стараниями тех, кто догматически понимал развитие человечества. Пожалуй, к таким личностям можно отнести и генерала Михаила Дмитриевича Скобелева – самого известного русского полководца второй половины XIX века.

Конечно, война всегда трагедия, но нет народа, который не гордился бы своими героями, не вспоминал бы их подвиги и не стремился им подражать. Слава Скобелева связана как с русско-турецкой войной 1877–1878 годов, освободившей балканских славян от почти пятивекового турецкого ига, так и с присоединением Туркестана (Средней Азии) к России – процессом хотя и прогрессивным, но не лишенным жестокостей. В характере этого сложного человека тесно переплелись отвага и честолюбие, доходившие до авантюризма; либеральные убеждения и консерватизм, вера в объединение славян и бонапартизм. Он был типичным представителем российского дворянства, с известной долей европейского космополитизма и в то же время пламенным патриотом, глубоко любящим и понимающим свой народ – с его добротой и жертвенностью, терпением и неприхотливостью.

Он не только видный деятель общественно-политической жизни России 70-80-х годов прошлого века, но и игрушка в чьих-то руках, жертва закулисных сил, куда более мощных, чем самодержавие. Гибель 39-летнего генерала в расцвете сил в московской гостинице «Англия» в ночь с 25 на 26 июня 1882 года и по сей день таит в себе загадку, так же как убийство его матери в Болгарии несколько ранее.

Разобраться во всем этом трудно, порой невозможно. И все же, думается, сложность и противоречивость жизнедеятельности М. Д. Скобелева ни в коей мере не должны служить поводом для замалчивания его недолгой, но яркой роли в отечественной истории.

Еще об одном хотелось бы предупредить читателя. Те, кто стремится внедрить в самосознание народов национализм, действуя по принципу «разделяй и властвуй», спешат обвинить Скобелева в «имперском мышлении», причислить к панславистам. При этом намеренно забывается, что сам термин «панславизм» возник в начале 40-х годов XIX века в кругах немецкой и венгерской националистической буржуазии, опасавшейся национально-освободительного движения славян. Применялся он по отношению ко всякому национально-освободительному движению, направленному против немецкого господства в Австро-Венгрии и турецкого гнета. Изначально он служил жупелом, с помощью которого немецкий шовинизм запугивал собственных обывателей и общественность других стран мнимой славянской и русской угрозой. Между прочим, борьбой с «панславизмом» оправдывал свою агрессию Гитлер. О советском, а теперь о российском «панславизме» неизменно кричат и нынешние поборники «атлантической солидарности» в США и Европе.

Если уж использовать понятие «панславизм», то, как справедливо отмечает историк и публицист Аполлон Кузьмин, нужно помнить, что под него подводилось много идейных течений – от радикальных до консервативных¹. Разновидностью его было и русское славянофиль-

¹ Кузьмин А. Г. К какому храму ищем мы дорогу?: История глазами современников. М., 1989. С. 223.

ство, имеющее перед отечественной историей немалые заслуги. Разумеется, и в славянофильстве, и в западничестве были крайности, присущие российской интеллигенции. Реальная же политика чаще всего выбирала золотую середину, тем самым подвергаясь нападкам и слева, и справа и отнюдь не всегда оправдываясь будущим.

Что касается Михаила Дмитриевича Скобелева, то он мечтал об объединении славян под эгидой России на основе общности крови, веры, языка и культуры, но не противопоставлял их другим народам. Отечество виделось ему как мощный естественный союз европейских и азиатских народов, давно живущих на сопредельных территориях, образованный с целью защиты своих исконных интересов.

В последние годы жизни Михаил Дмитриевич называл главным врагом славянства немецкий национализм. И внешний ход последующих событий вроде бы подтвердил его мысль. Но нельзя не видеть за разразившимися двумя мировыми войнами интересов других стран и этнических образований, желавших поживиться за счет ослабления России и Германии. Стоит задуматься: не оказывается ли в конечном счете всякий национализм лишь орудием в руках мощных космополитических сил, рвущихся к мировому господству? На этот вопрос не так-то просто найти убедительный ответ. Думается, не все здесь понимал и Скобелев.

До революции М. Д. Скобелеву была посвящена довольно обширная литература, в которой он рассматривался как «полководец, Суворову равный», талантливый военный администратор и крупный общественный деятель. Мемуары о нем оставили друзья и соратники – В. В. Верещагин, В. И. Немирович-Данченко, А. Н. Куропаткин и многие другие известные исторические личности. Собраны и изданы приказы полководца, в какой-то мере изучены его взгляды на политику, войну и военное дело.

Перед Великой Отечественной войной о М. Д. Скобелеве в Париже был издан довольно обстоятельный труд Н. Н. Кнорринга, который имел доступ к архиву родственников Михаила Дмитриевича, оказавшихся за рубежом после революции. Этот исследователь отмечал, что сейчас же после смерти генерала все документы и материалы, находившиеся в его квартире в Минске, – «всего по описи 28 июня 1882 года 36 номеров всевозможных пакетов, папок, свертков и т. д., десять записных книжек опечатаны в деревянном сундуке, соломенном ящике и отдельном тюке» и, по словам начальника штаба 4-го корпуса, которым в последний год своей жизни командовал Скобелев, отправлены в Петербург. Туда же были отосланы и документы, затребованные от редактора «Руси» И. С. Аксакова, редактора «Московских новостей» М. Н. Каткова, графа А. В. Адлерберга и некоторых других лиц².

По всей видимости, эти бумаги сохранились далеко не все. Во всяком случае, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве автору удалось найти лишь немногие из бумаг М. Д. Скобелева. Так, представляют несомненный интерес письма Михаила Дмитриевича И. С. Аксакову и А. Н. Куропаткину, а также воспоминания последнего о своем боевом товарище. Любопытны также воспоминания о военачальнике деятелей культуры, особенно В. И. Немировича-Данченко, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), а также некоторые документы, имеющиеся в других хранилищах.

В Советском Союзе, а затем Российской Федерации о М. Д. Скобелеве крупных работ не издавалось, за исключением, пожалуй, дореволюционных изданий, популярного очерка Б. А. Костина «Скобелев» (М., 1990), книг В. И. Гусарова «Генерал Скобелев. Легендарная слава и несбывшиеся надежды» (М., 2003) и В. Н. Масальского «Скобелев. Исторический портрет» (М., 1998), имеется лишь несколько публикаций в периодической печати. Думается, сейчас, в конце XX века, самое время восполнить этот пробел. Тем более, что расцвет жизни генерала совпал с переломным для России временем рубежа царствований Александра II и

² См.: Кнорринг Н. Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Париж, 1939–1940. Ч. 1–2. С. 5–6.

Александра III, когда до предела обострилась борьба либеральных и консервативных сил, централистов и децентралистов, славянофилов и западников, а реформы, в который уже раз, сменились контрреформами. Из таких исторических точек обычно протягиваются нити и к прошлому, и к будущему. Здесь есть над чем задуматься любознательному читателю.

Привлекая широкий круг источников, в том числе архивных, ранее не бывших в научном обороте, автор стремился с возможной полнотой раскрыть противоречивый образ генерала М. Д. Скобелева на фоне непростой общественно-политической ситуации, сложившейся в России во второй половине XIX века, с целью познакомить всех интересующихся отечественной историей с доселе сокрытой от них страницей нашего героического прошлого. Рассказывая о деятельности М. Д. Скобелева, таинственных обстоятельствах его смерти и загадочных связях с масонами, автор приводит факты и только факты и оставляет читателю право самому делать окончательные выводы.

Глава первая

В молодые годы

Из рода отважных. – Становление характера. – Прибытие в Туркестан. – Через пустыню. – Под Хивой. – Первый Георгий. – В Испании. – Вновь в Ташкенте. – В Фергане.

1

Заглядывая в историю, вполне можно говорить о военной династии Скобелевых. Три русских генерала, заслуженных георгиевских кавалера носили эту фамилию – дед, сын, внук. Род их был не особенно старинный.

В XVIII столетии известен был сержант Никита Скобелев (некоторые утверждают, что настоящая его фамилия была Кобелев, измененная затем для благозвучия. – А.Ш.), происходивший из дворян. Он был женат на ставропольской дворянке Татьяне Михайловне Корева. Эта супружеская чета имела трех сыновей – Федора, Михаила и Ивана. Как и большинство дворян того времени, все они избрали для себя военную карьеру, тем более что родители к концу своей жизни успели составить довольно крупное состояние, вполне обеспечивавшее будущее сыновей. Федор Скобелев дослужился до чина полковника, Михаил умер, когда был подпоручиком, младший, Иван Никитич (1778–1849) пошел дальше всех своих братьев.

Участник Отечественной войны, бравший Монмартрские высоты под Парижем, выскочивший под Реймсом из ловушки, устроенной самим Наполеоном, старший адъютант фельдмаршала М. И. Кутузова, проводивший его к месту последнего успокоения, И. Н. Скобелев в боях проявил беспримерную храбрость и самообладание. Когда во время польского восстания под Минском ему раздробило левую руку, он нашел в себе мужество во время операции, сидя на барабанах продиктовать свой знаменитый приказ по полку, в котором писал, что для его службы ему и «трех оставшихся пальцев с избытком достаточно» (двух пальцев на правой руке он лишился ранее).

Возвратясь из Франции уже в чине генерала, Иван Никитич в 1821 году был назначен генерал-полициймейстером 1-й армии. Служака он был исправный, но политического чутья не имел и смотрел на многие вещи, волновавшие русское общество, весьма упрощенно.

Когда в Семеновском полку произошли революционные выступления, он заступился за опальных офицеров и солдат и высказывал начальству, что, по его мнению, «полиция, собственно, в армии не надобна и что она была бы явным оскорблением честолюбия ревнующих к пользам службы воинов». Скобелев полагал, что армия, и в особенности гвардия, неповинна в симпатии к «вредным шалунам», получившим богомерзкое, «французско-кучерское воспитание»³.

Подобное мнение И. Н. Скобелева не понравилось начальству. Лишившись места, Иван Никитич вначале упал духом и, чтобы поднять свою репутацию, стал доносить на некоторых лиц. Например, ябедничал Бенкендорфу на Балашова, обвиняя того в парламентаризме и вообще в сочувствии английским порядкам, предлагал «вертопраху» Пушкину за его «мысли о свободе» содрать «несколько клочков шкуры»⁴.

Вместе с тем И. Н. Скобелев проявлял человечность в обращении с узниками, находясь на посту коменданта Петропавловской крепости, не раз за них заступался перед начальством. Все это не особенно способствовало упрочению его репутации, и И. Н. Скобелев в военно-

³ См.: Иван Никитич Скобелев//Русская старина. 1886. № 12. С. 581–590.

⁴ См.: Петров А. Н. Скобелев и Пушкин//Русская старина. 1871. № 12. С. 673.

полицмейстерском усердии как будто «проштыкнулся». Но в 1828 году его неожиданно назначают дивизионным командиром, а через два года, израненный, без руки, Иван Никитич уже был негоден для действительной службы и ушел из армии инвалидом; почувствовал призвание к литературе и сделался писателем.

Обращаясь к своему прошлому, Иван Никитич никогда не забывал, что на плечах его была когда-то солдатская шинель, «лучшие годы» прошли в казармах, среди солдат. «В сотовариществе с солдатами отцвели лучшие дни моей жизни... Рука солдата и не однажды отражала смертельный удар, в грудь мою направленный»⁵.

Любовь И. Н. Скобелева к русскому солдату была кровной, органической. «Русского солдата хоть распили, а правды врагам он не скажет... Невозможность для русских солдат еще не придумана... невозможность – мечта. Невозможность – чужое слово. Где же невозможность? Высылай ее к нам на волах или на кораблях, у нас она тотчас запляшет в присядку». Разумеется, здесь кое-что от Суворова, но не отсюда ли известный афоризм его знаменитого внука: «На войне только невозможное возможно»?

В своих, очень характерных приказах И. Н. Скобелев постоянно рекомендовал начальникам «радеть только о пользе солдат», вникая в их нужды, стараясь «пролагать путь к сердцу солдата словом, а у заблудившихся согреть сердце религией», потому что «рожденный быть начальником простого воина должен уметь развернуть понятие солдата, украсить ум и сердце его военными добродетелями и приучить в мирное время к труду, в военное – к мужеству и славной смерти». Конечно, всякое нерадение о солдате – позор для начальника, а «гнусная и блудная поживишка солдатской собственностью» – вина, равная уголовному преступлению.

В личной жизни Иван Никитич Скобелев, как видно из его писем, был очень расчетливый скопидом-хозяин, умевший строить свое земное благополучие. Привыкший к постоянным поучениям, придерживавшийся в воспитательной методике «спасательных великороссийских полновесных, гренадерских фухтелей», в семейной жизни он был зачастую склонен к домо-строевским порядкам. В своих десяти заповедях сыну с гордостью подчеркивал, что тот вступает в жизнь, в сущности «не употребляя собственного труда, – опираясь на белый полуостов грешного тела отца своего, пролившего всю кровь за честь и славу царя и положившего фунтов пять костей на престол милого отечества». Однако не нужно гордости, соблазна, «могущего учинить тебя индийским петухом», писал старик сыну, «советую не забывать, что ты не более как сын русского солдата и что в родословной твоей первый свинцом означенный кружок вмещает порохов воняющую фигуру отца твоего, который потому только не носил лаптей, что босиком бегать ему было легче».

Любопытно, пристрастившийся к картежной игре отец рекомендовал сыну «плюнуть на эту губительную страсть», имея в виду, конечно, азартные игры – от скуки «приличнее играть в дураки: на несколько минут и при том же шутя, очень весело быть дураком; бывает и обратно – крепко побитые глупцы, так же игрою случая попадая в умники, вовсе не скучают сею ролью, оставаясь в оной и по несколько лет». В общем, эти советы, местами остроумные, написаны, между прочим, по словам их автора, из опасения преувеличения любви матери к сыну, ибо «не много надобно, чтобы двинуть слабую бабу в восхищение»⁶.

Обладая несомненным литературным талантом, Иван Никитич был человеком малограмотным, до конца жизни не научившимся писать сколько-нибудь сносно. Его письма полны ужасающих орфографических ошибок, а сочинения обычно поправлял Н. И. Греч (русский журналист, писатель и филолог. В 1825 году, по собственному признанию, «вытрезвился от либеральных идей» и прослыл ярым монархистом. – А.Ш.). Званием литератора он очень дорожил, и в его квартире регулярно собирались представители литературного мира. Таким

⁵ Цит. по: Иван Никитич Скобелев//Русская старина. 1886. № 12. С. 589.

⁶ Цит. по: Кнорринг Н. Н. Указ. соч. С. 8–11.

образом, Скобелевы не были чужды духовных интересов. К чести Ивана Никитича Скобелева, нужно сказать, что он никогда не забывал своего демократического происхождения, даже гордился им, хотя, дослужившись до больших чинов, и занял в петербургском обществе видное положение.

Он был женат дважды, и второй его женой была Надежда Дмитриевна Дурова, дочь Владимирского предводителя дворянства. У этой супружеской четы из шести сыновей и четырех дочерей выжили только двое – сын Дмитрий и дочь Вера. Остальные умерли еще в младенческом возрасте.

Все наследство отца, когда не стало братьев, не оставивших наследников, перешло к Ивану Никитичу, и он, пополнив его, оставил своим детям. Вера Ивановна впоследствии вышла замуж за флигель-адъютанта полковника Опочинина, внука по женской линии героя Отечественной войны генерал-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, а Дмитрий Иванович (1821–1879) по примеру отца избрал военное поприще. Начальное военное образование он получил в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и в 1838 году семнадцати лет от роду был зачислен в Кавалергардский ее величества полк, а через два года произведен в корнеты и в 1843 году в поручики. В это время Дмитрий Иванович был уже женат на Ольге Николаевне Полтавцевой, и в 1843 году 17 (29) сентября у них родился сын Михаил.

Являясь наследником большого состояния и располагая значительными средствами, Дмитрий Иванович сначала вел жизнь довольно разгульную, не считаясь особенно с отцовскими заповедями, из-за чего между отцом и сыном не раз возникали резкие столкновения. Через свою жену он породнился с рядом аристократических фамилий (Адлербергами, Барановыми) и впоследствии, будучи командиром конвоя, был близок ко двору. Несмотря на то что он, как и его отец, имел два Георгия, военные доблести среднего Скобелева не приобрели известность. Это был, скорее, военный по положению, а не по призванию, исправный служака, но не воин. От отца он унаследовал большие хозяйственные способности и крупное состояние, приумножив которое передал сыну. Расчетливый, даже несколько скупой, он не любил излишних трат в семье, и когда его жена, будучи за границей, вела светский образ жизни на широкую ногу, с большой неохотой оплачивал ее счета «магазинным шлюхам» в Париже.

Мать Михаила Дмитриевича – Ольга Николаевна – слыла женщиной с характером властным и настойчивым, очень любила своего единственного сына, навещала его даже в походной обстановке и своей широкой благотворительной деятельностью поддерживала его политику в славянском вопросе.

Интересны воспоминания о родителях Михаила Дмитриевича одного из его близких друзей А. Н. Куропаткина: «Отец Скобелева пользовался в молодости репутацией очень храброго офицера. Это был человек суровый, скупой, довольно ограниченный. Никаких сколько-нибудь выдающихся способностей он не обнаружил, подвигов не сделал, хотя умер генерал-лейтенантом и кавалером ордена Георгия 3-й и 4-й степени. Значительный характер и настойчивость в преследовании раз поставленной цели сказались у Дмитрия Ивановича только в устройстве своего состояния.

Ольга Николаевна была женщина замечательная и многое из своих качеств передала своему сыну. Обладая всеми качествами – хорошими и дурными – женщины большого петербургского света, Ольга Николаевна не довольствовалась этой ролью и имела исключительное для женщины честолюбие не только по отношению устройства карьеры своих детей, но и личное. Обладая большим, весьма гибким умом и знанием сердца человеческого, Ольга Николаевна имела к тому же дар быстро ориентироваться среди самых разнообразных личностей, встречавшихся на ее довольно бурном жизненном пути»⁷.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА), ф. 165 (личный фонд А. Н. Куропаткина), оп.

У Михаила Дмитриевича было три сестры – Надежда, Ольга и Зинаида. Старшая сестра – Надежда Дмитриевна была замужем за князем Белосельским-Белозерским, средняя – Ольга Дмитриевна – за графом Шереметевым, младшая – Зинаида Дмитриевна – за Евгением Максимилиановичем, князем Романовским, герцогом Лихтенбергским, сыном великой княгини Марии Николаевны (дочь императора Николая I).

2

Время, к которому относятся годы детства Михаила Дмитриевича, было суровое. На Кавказе шла непрерывная война с горцами. По всей стране гремело имя Шамиля. Подвиги русских войск под Ахульго, Дарго, Салтами были постоянной темой для разговоров. Потом началась Крымская война, во время которой Дмитрий Иванович служил на Кавказе, где отличился в битвах у деревни Баяндур, затем – Баш-Кадыкляр и прославил себя геройским подвигом в знаменитом сражении с турками при Курган-Даре. Семья его в это время оставалась в Петербурге. Маленький Миша был ребенком восприимчивым. Рос же он под постоянным впечатлением рассказов о подвигах отца, которого все называли не иначе как героем.

Первые годы детства прошли далеко не отраднo для впечатлительного, умного ребенка. Его гувернер, грубый и черствый немец, не имел на мальчика никакого нравственного влияния и действовал на него исключительно угрозами и наказаниями. Михаил Дмитриевич от природы обладал живой, пылкой натурой, любил пошалить, порезвиться, не прочь был иногда и полениться. Поэтому он часто строго наказывался гувернером.

Скобелев, человек добрый, но строгий, сквозь пальцы смотрел на такое грубое обращение гувернера с его сыном. В мальчике постепенно стали развиваться озлобление против деспота учителя, скрытность, мстительность. Он возненавидел всей душой своего тирана и придумывал разные способы, чтобы исподтишка мстить ему.

Однажды он вымазал ручку двери ваксой, чтобы франт гувернер запачкал свои белые перчатки, не раз старался выпачкать чем-нибудь его платье. Отношения между учеником и учителем стали натянутыми. Однажды в присутствии девочки, которая нравилась Михаилу Дмитриевичу, гувернер за что-то ударил его по лицу. Мальчик с озлоблением бросился на немца, плюнул ему в лицо, а затем дал пощечину. Вышел, конечно, семейный скандал. Дмитрий Иванович понял, что гувернер не имел никакого влияния на мальчика, что дальнейшее пребывание в доме такого педагога может принести не пользу, а вред. Немец был уволен.

После этого инцидента мать увезла сына в Париж и там отдала его в пансион Дезидерио Жирарде. Выбор воспитателя оказался удачным. Жирарде очень привязался к семье Скобелевых, подружился со своим воспитанником и часто сопровождал его в походах. По-видимому, влияние Жирарде на Скобелева было благотворно, по крайней мере Ольга Николаевна говорила, что Жирарде очень удавалось смягчить несдержанный характер сына. Влиянием же Жирарде, а также пребыванием во Франции можно объяснить в значительной степени и увлечение Скобелева французской культурой, сыгравшее в его политических взглядах и выступлениях большую роль.

Несмотря на военные традиции в семье, Скобелевы своего единственного сына стали готовить в университет. Впрочем, это решение отнюдь еще не означало, что родители отдавали предпочтение штатской карьере сына. Просто в ту эпоху высшее образование было в большом почете – в русском обществе вообще и среди военных кругов в частности. Скобелевы обратились к академику А. В. Никитенко с просьбой рекомендовать учителя для занятий, и он порекомендовал молодого преподавателя Т. И. Модзалевского (отца известного пушкиниста). Занятия продолжались с 1858 по 1860 год. Никитенко принимал в них живое участие.

Осенью 1860 года молодой Скобелев должен был держать экзамен в университет, а 21 мая он выдержал предварительную проверку знаний торжественно в квартире графа А. В. Адлерберга. (Муж сестры матери Михаила Дмитриевича. Этот человек, будучи министром двора и находившийся в дружеских отношениях с императором Александром II, сыграл заметную роль в его судьбе. – А.Ш.). Судя по письмам Модзалевского, экзамен проходил в присутствии некоторых профессоров и попечителя учебного округа и завершился успешно. Занятия с Модзалевским продолжались и после этого испытания. Скобелев поступил в университет на математический факультет, но учиться пришлось недолго. Осенью 1861 года в университете вспыхнули студенческие беспорядки, и он был закрыт. Причины, которые заставили Скобелева уйти из университета, точно не установлены. Вероятно, это произошло не без влияния отца, который опасался, что «Миша участвует в сходках и там, где другие болтают, он требует решительных действий»⁸. Затем Михаил поступил юнкером в Кавалергардский полк. Очевидно, к военной службе тянуло. К моменту производства Скобелева в корнеты произошло польское восстание, в подавлении которого и он принял участие.

Заболев от частого падения с лошади, чувствуя боли в груди, Скобелев вынужден был перевестись в легкую кавалерию, в Гродненский полк. По-видимому, корнет Скобелев служил очень усердно, не щадя себя. По воле обстоятельств попал в Преображенский полк, преследовавший банду, он в качестве волонтера и частного лица провел в деле почти весь свой отпуск. Уже здесь было замечено в нем «прямое и отличное исполнение приказаний и мужество», и он получил свою первую награду «за храбрость» – св. Анну 4-й степени.

О жизни молодого Скобелева в начале службы известно сравнительно мало. Это был очень живой офицер с беспокойным характером. В гусарских попойках всегда был первым на разные смешные выдумки, но часто его проказы принимали жестокий характер. Играли в пьяные грубые игры, в пятнашки, в кукушку, и однажды его товарищ, которого он запятнал, разбился в лесу и остался калеккой. Раз Скобелев выбросился из окна второго этажа, но каким-то чудом остался жив; как-то во время ледохода бросился с товарищем в Вислу, и оба переплыли реку.

Впоследствии этот трюк с переправой кавалерии вплавь через реки Скобелев проделывал не раз в своей военной практике. В этих проделках, сопровождаемых обильным пьянством и безобразиями, видна, прежде всего жажда сильных ощущений.

Не был чужд молодой Скобелев и мистики. Так, один крестьянин из деревушки на берегу Финского залива, куда летом часто приезжал корнет, увидел его больным и говорит: «Давайте помолимся Богу, зажги-ка свечу перед Спасителем, стань на колени и прочитай «Верую», «Отче наш» и «Богородицу». Потом он взял в чашку воды, осенил ее крестиком, что у него на груди висел, и дал Скобелеву напиться, вспрыснул три раза и велел лечь спать. Утром Михаил Дмитриевич уверял, что уже поправился.

Как-то, отдыхая в деревне, Скобелев поехал в лес за жердями и чуть было не утонул в трясине, но вытащила лошадь. «Я ее налево забираю, а она меня направо тянет. Я ее никогда не забуду, – говорил Скобелев, – если где придется мне на лошади ездить, так чтобы сивку помнить, всегда буду белую выбирать». Этим рассказом объясняется в какой-то мере пристрастие Михаила Дмитриевича к белым лошадям. Любил он, кстати, в бою надевать белый китель, белую фуражку. Вот почему о Скобелеве шла впоследствии молва как о «белом генерале». Однако главной целью всего этого было произвести впечатление на солдат. Последние твердо верили в неуязвимость Скобелева⁹.

⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ), ф. 355 (личный фонд В. И. Немировича-Данченко), оп. 2, д. 82, л. 10.

⁹ РГВИА, ф. 221 (личный архив М. Д. Скобелева), д. 7, л. 33.

Сослуживцы описывают некоторые подробности жизни Михаила Дмитриевича. Например, в комнате у него было сильно надушено, страсть к духам он сохранил на всю жизнь. Спал на двух подушках и наволочки менял ежедневно, одеяло было кумачное с подбоем из розового шелка. У изголовья висел образок Божьей матери. Любил много читать, часто засыпал с книгой, при свечах. Крепких вин не употреблял, а пил кавказские вина, и особенно шампанское. Немножко играл на рояле и немного пел не особенно сильным, но красивым баритоном¹⁰.

При своей общительности в эти годы Скобелев имел характер довольно неприятный – невыдержанный, запальчивый и заносчивый. Этим, вероятно, и объясняется его служебные скитания по всей России. Из Петербурга в Туркестан, оттуда в Павловск, затем на Кавказ, в Красноводск, Новгород, Пермь, Москву, снова на Кавказ и т. д. И все это на протяжении немногих лет, по несколько месяцев на одном месте, причем только зиму прожил на северном Кавказе, командуя батальоном Ставропольского полка и читая лекции по тактике и военной истории.

В 1866 году Скобелев поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Занимался равнодушно и небрежно; видно, что академия – это формально необходимый этап в скобелевской карьере. Он пошел туда, словно по инерции, может быть, по желанию отца, а скорее, чтобы легче сделать карьеру. Вел себя Скобелев в академии довольно странно. Науками интересовался мало, на лекции не ходил, практическими занятиями пренебрегал. Одно время он совсем забросил учебу, перестал посещать лекции и даже рапорта о болезни не присылал, а только гулял по городу. В конце концов, о нем составилось общее мнение, что он «просто шалопай и авантюрист и никакого прока из него не выйдет», и его решили исключить из академии.

По-видимому, в это время в душе молодого, неуравновешенного и в то же время честолюбивого офицера происходил какой-то перелом. Это выражалось и в его внешности. «В юности, – говорит профессор академии А. Н. Витмер, – это был далеко не тот 36-летний красавец с пышной светлой бородой, увенчанный ореолом славы, каким приехал он после войны. Он удивительно похорошел впоследствии, когда возмужал и отпустил себе великолепные светлые бакенбарды. В академии же Скобелев был какой-то тусклый: с сероватым цветом лица. В его лице не было красок юности, ее свежести, ее очарования, отсутствие которых как-то шло вразрез с очевидной молодостью лица, едва покрытого растительностью»¹¹. Витмер отмечал любопытную черту Скобелева того времени – он «никогда не видел его ни смеющимся, ни даже улыбающимся, пожалуй, даже веселым»¹².

Вызванный на откровенный разговор Витмером, Скобелев признался, что «решил бросить академию, оттого и не ходит на лекции, но бросать военную службу не намерен, потому что, по его словам, «для него жизнь без военной службы немыслима». Но Витмеру все же удалось уговорить строптивого Скобелева не делать этого, убедить его, сыграв на честолюбии, что академия – лишний шанс на службе и может впоследствии пригодиться. Скобелев остался, стал посещать лекции, но без большого энтузиазма. По-прежнему он небрежно относился к задачам, и над его летними съемками под Ораниенбаумом сокурсники подсмеивались; по-прежнему он вел рассеянный образ жизни, и его часто можно было встретить на рысаке, в штатском платье, в шотландской шапочке.

«Судя по некоторым отзывам, – вспоминал А. Н. Куропаткин, – Скобелев не пользовался в то время симпатиями большинства своих товарищей и никто из них не предвидел в нем будущего героя Плевны и Геок-Тепе. Вероятно, Скобелеву не удалось бы закончить курс академии,

¹⁰ См.: Кнорринг Н. Н. Указ. соч. С. 16.

¹¹ Витмер А. Что видел, слышал, кого знал Скобелев//Русская старина. 1908. № 5. С. 253.

¹² Там же.

если бы не профессор Генрих Антонович Леер, который своим верным и чутким инстинктом прозрел в несимпатичном тогда поручике исключительного военного дарования и энергии»¹³.

Неудивительно, что Скобелев окончил академию по второму разряду. Только знанием военной истории будущий полководец порой поражал учителей. Однажды ему досталась битва при Рымнике. Профессор Витмер всегда считал это сражение неинтересным с точки зрения военного искусства, но Скобелев на экзамене так увлекся, что «прочел целую профессорскую лекцию просто, ново и с огромным увлечением». Видно было, добавляет Витмер, что «самый механизм боя, его поэзия» близки его сердцу¹⁴.

В эти же годы Скобелев пытался выступать в печати. Например, при переходе на старший курс он принес в редакцию «Военного сборника» свою статью «О военных учреждениях Франции», которая и была вскоре опубликована. Об этом факте он сообщал своему отцу. Характерная деталь этого письма – обращение «Многоуважаемый отец!» – говорит о почтительности и душевном настрое как самого Скобелева, так и молодежи той эпохи вообще.

Рассказывали, что только случай решил его дальнейшую военную карьеру; он был зачислен в Генеральный штаб. После теоретических экзаменов перед выпускниками поставили практические задачи, начались полевые испытания. На этот раз съемки и рекогносцировки происходили в Северо-Западном крае. Скобелеву потребовалось отыскать наиболее удобный путь для переправы кавалерийского отряда через Неман. Михаил Дмитриевич провел назначенное время на одном и том же пункте, даже не утруждая себя разъездами вдоль берега реки, когда явилась проверочная комиссия, среди которой находился знаменитый уже в то время профессор академии генерал-лейтенант Г. А. Леер, Скобелев, недолго думая, вскочил на коня, ободрив его плетью, прямо с места бросился в Неман и благополучно переплыл его в оба конца. Проявившаяся в этом эпизоде склонность к импровизации, быстрым и решительным действиям были присущи будущему полководцу и в дальнейшем. Генерал Леер пришел в восторг от таких энергичных действий и настоял, чтобы Скобелева зачислили в Генеральный штаб.

Вскоре Михаил Дмитриевич был назначен на службу в Туркестанский край. Здесь юный капитан Генерального штаба принимал участие в действиях отряда генерала Абрамова на бухарской границе. В 1870 году Скобелев получил назначение на Кавказ. А в 1871 году, находясь в отряде полковника Н. Г. Столетова в Закаспийском крае, произвел скрытную рекогносцировку к Саракамышу, которая совсем не входила в планы кавказского штаба. В результате М. Д. Скобелева отозвали в Петербург, где он некоторое время принимал участие в занятиях военно-ученого комитета, а потом состоял старшим адъютантом штаба 22-й пехотной дивизии.

Как только решено было начать поход против Хивы, Скобелев поспешил выхлопотать себе перевод в Кавказские войска, принимавшие участие в боевых действиях в Средней Азии, или, как тогда называли, Туркестане.

3

В жизни генерала М. Д. Скобелева Туркестан сыграл исключительную роль. Для многих военных того времени Кавказ, как и Туркестан и Закаспийская область, явился, можно сказать, практической военной академией, боевой школой, где в своеобразных условиях локальных войн вырабатывались не только военные качества, оттачивался полководческий талант, но и приобретались специфические административные навыки. Скобелев приехал в Туркестан молодым 26-летним офицером, беспокойным и честолюбивым. «В маленьком уездном городке Чиназе, недалеко от Ташкента, командир сотни уральцев Скобелев производил довольно необычное впечатление. Офицер Генерального штаба, с огромными связями в Петербурге, сын

¹³ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1792, л. 6–7.

¹⁴ См.: Витмер А. Указ. соч.//Русская старина. 1908. № 12. С. 690–696.

придворного генерала, по тому времени весьма образованный, свободно говоривший на многих иностранных языках, красивый, холеный, с изящными манерами, Скобелев мало походил на обычного армейского служаку отдаленной окраины, скорее, он производил необыкновенное впечатление, поражая окружающих не только своим умом, но и военными качествами: в нем было что-то, пылливое и вызывающее. Его можно было невзлюбить, но не заметить как личность невозможно. О нем всегда (хорошо ли, плохо ли – это другой вопрос) говорили. Всем бросалась в глаза его какая-то напористость, целеустремленность, одержимость.

В начале службы в Туркестане Скобелев имел незавидную репутацию гуляки, был склонен к бесшабашной удали, много пил. На его счету две дуэли. Виновником был некто Герштенцвейг, молодой гвардейский офицер, сосланный в Ташкент, как говорили, по просьбе матери за увлечение какой-то актрисой. Герштенцвейг общий любимец и друг Скобелева. Причиной их ссоры послужила военная экспедиция против племени мачинцев под начальством генерала Абрамова. Скобелев был в отряде Герштенцвейга. Бунтовщиков нагнали и утомили. Подробностей об этой экспедиции мы не знаем, но, по сведениям одних, Скобелев в стычке «струсил», по сведениям других, пьяный Герштенцвейг полетел в атаку на мирных жителей, а Михаил Дмитриевич, заметивший ошибку, пытался удержать приятеля. О «неудачном» эпизоде в реляции умалчивалось, но слухи о «трусости» Скобелева быстро распространялись среди офицеров.

Скобелев вызвал на дуэль одного из «болтунов». Дуэль состоялась, но окончилась безрезультатно, и Скобелев потребовал от самого Герштенцвейга признания его ошибки в экспедиции, грозя разоблачениями. Приятели дрались, и Герштенцвейг был ранен. Эта дуэль не прибавила доброжелателей Скобелеву, наоборот, большинство офицеров было на стороне его противника. После дуэли Михаилу Дмитриевичу не оставалось ничего другого, как уехать.

Начинается новый скитальческий период жизни Скобелева – опять Кавказ, затем Красноводск, следом почти годовой отпуск с прикомандированием к Главному штабу. Но офицерская карьера его продолжается. Через несколько месяцев он произведен в подполковники и назначен в штаб Московского округа, затем в Ставропольский полк командиром батальона.

В это время началась подготовка к походу на Хиву. Скобелев никак не мог примириться с тем, что не участвует в нем: считал, что имеет полное на это право. Опыт двухлетнего пребывания в Туркестанском крае что-то значил.

Но прежде чем приступить к описанию этого похода, вспомним коротко историю присоединения Средней Азии (Туркестана) к России.

После поражения в Крымской войне 1853–1856 годов царское правительство было вынуждено временно отказаться от активной политики на Балканах и Ближнем Востоке и уделить больше внимания укреплению своих позиций в Средней Азии. Этому способствовали территориальная близость, а также экономическая обстановка, сложившаяся в Российской империи и среднеазиатских ханствах того периода. В то время как Россия все более твердо становилась на путь капиталистического развития, Средняя Азия все еще значительно отставала, сохраняя феодальные пути, являясь для России выгодным рынком сбыта промышленной продукции и перспективным источником сырья.

Несмотря на захватнические цели самодержавия, присоединение Средней Азии к России исторически объективно имело прогрессивное значение. На огромной территории было отменено рабство, прекращены разорительные и кровопролитные войны, феодальные раздоры, начали развиваться капиталистические отношения, население огромного региона вступило в тесное общение с русским народом и русской культурой.

К тому же присоединение среднеазиатских земель к России предотвратило их захват Британской империей. А такая перспектива ничего хорошего не сулила народам Средней Азии. Дело в том, что русские власть имущие были представителями старого времени, поэтому

«душить, как следует, не умели», а представители английской и американской буржуазии «душить умеют и душат до конца»¹⁵.

Думается, что и последующее вхождение среднеазиатских республик в состав Советского Союза было обоюдовыгодным процессом. Тем самым обеспечивались стабильность и конструктивное развитие огромного евроазиатского пространства на основе уникального в мировой истории содружества первоначально различных по своему культурному уровню народов. Спровоцированное разрушение этого содружества привело, как можно убедиться, к далеко не лучшим результатам. И, вероятно, исторический опыт, еще поможет политикам исправить допущенные ошибки, лучше понять реальную расстановку мировых сил и стратегическую роль России.

Как отмечают российские историки, концепция присоединения народов Средней Азии к России включает и завоевания среднеазиатских ханств, и мирное присоединение, и добровольное вхождение отдельных территорий в состав России¹⁶. В этом понятии учтены все аспекты и этапы политического процесса вхождения Средней Азии в России, растянувшегося почти на два десятилетия (1868–1885 годов), если не считать мангышлакских туркмен, ранее принявших российское подданство.

В описываемые времена Средняя Азия представляла собой огромную территорию, простиравшуюся от Каспийского моря до границы с Китаем на востоке. На юге она граничила с Ираном и Афганистаном, где уже преобладало британское влияние. Население Средней Азии было невелико – около 5 млн. человек.

С давних пор здесь существовали два ханства – Бухарское (Эмират), в бассейне реки Зеравшан, и Хивинское, в нижнем течении Амударьи. В конце XVIII века в Ферганской долине консолидировалось третье ханство – Кокандское. Ему удалось вскоре овладеть важным торгово-политическим центром – Ташкентом, в то время самостоятельным городом-государством. Твердо определенных границ среднеазиатские ханства не имели.

В Бухарском ханстве в середине XIX века проживало около 3 млн. человек, в основном узбеки, таджики, туркмены; в Кокандском – около 1,5 млн. – узбеки, таджики, казахи и киргизы; в Хивинском – примерно 0,5 млн. – узбеки, туркмены, казахи и каракалпаки. В городах жили также персы, евреи, арабы, цыгане, выходцы из Индии и Китая.

Все три ханства были экономически отсталыми феодальными государствами с пережитками рабовладельческого строя. Городское население занималось торговлей и ремеслами, сельское – скотоводством, земледелием, садоводством и огородничеством.

Народные массы Средней Азии находились под тяжелым гнетом местных феодалов. Эмиры и беки вершили суд и расправу «по произволу и всегда в пользу ханской казны»¹⁷. Широко применялась смертная казнь, а также пожизненное заключение в подземных тюрьмах (зинданах).

Интерес России к Средней Азии был велик еще в первой половине XIX века. Предпринимались многочисленные попытки ее изучения. Правительство заботилось о росте торговли, опекало русских купцов в тех краях. В 50-е годы были предприняты три русские миссии в Среднюю Азию: научная под руководством ученого-востоковеда Н. В. Ханыкова, дипломатическая – под начальством Н. П. Игнатьева, торговая миссия – Ч. Ч. Велиханова.

В первой половине 60-х годов русское правительство разрабатывало планы военного проникновения в Среднюю Азию. В 1864 году войска под командованием генерал-майора М. Г. Черняева начали наступление на Ташкент, но этот поход окончился неудачей. Восполь-

¹⁵ Ленин В. И. Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря (VII Всероссийский съезд Советов, 5–9 декабря 1919 г.)//Полн. собр. соч. Т. 39. С. 398.

¹⁶ См.: Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959.

¹⁷ Иванин М. И. Хива и река Амударья//Морской сборник. 1864. № 8–9. С. 169.

зовавшись феодальной междоусобицей и недовольством народных масс Кокандским ханом, Черняев в 1865 году повторил поход и овладел Ташкентом. В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, ставшее центром дальнейшего проникновения русских в Среднюю Азию. В 1868 году Кокандское ханство попало в фактическую зависимость от России. В том же году войска туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта (генерал-лейтенант, зачисленный в свиту императора. – А.Ш.) К. П. Кауфмана овладели Самаркандом и Бухарой. После этого Бухарское ханство также стало зависимым от России.

Кауфману были предоставлены неограниченные полномочия. Недаром местные жители дали ему прозвище «ярым-подшо» – полуцарь. Перед ним была поставлена задача – открыть, прежде всего «широкий и легко доступный путь нашей отечественной торговле и промышленности в глубь Средней Азии»¹⁸.

После заключения русско-бухарского и русско-кокандского договоров 1868 года лишь самое небольшое из государственных образований в Средней Азии – Хива сохранила свою самостоятельность. Но в обстановке борьбы капиталистических держав за рынки сбыта и источники сырья эта независимость была недолговечной. Хивинские сборщики податей появлялись в кочевьях принявших российское подданство казахских племен, вынуждая их платить налоги хану. Кроме того, агенты хивинских ханов разжигали недовольство кочевников, подстрекая их к открытым выступлениям против русских. Почва для русско-хивинского конфликта была, таким образом, подготовлена.

Еще осенью 1869 года Кауфман направил хивинскому хану Мухаммеду Рахиму послание, в котором предъявлял претензии по поводу грабежей торговых караванов, укрытия «мятежных элементов» и откровенно говорил о возможности военного удара по «тем, кто не понимает добрых намерений» царя. Генерал-губернатор предполагал двинуться на Хиву в 1871 году, однако этот план был отложен в связи с обострением положения в восточной части Центральной Азии.

В бытность свою в Тифлисе в августе 1871 года Скобелев представил в штаб Кавказского округа записку о занятии Хивы, «на которую, – по его словам, – в свое время никто не обратил внимания»; в ней очень много дельных замечаний и верных прогнозов. Предостерегая от трудностей завоевания Хивы, Скобелев рекомендовал занять на Амударье какой-либо опорный укрепленный пункт, который бы позволил угрожать Хиве. По его мнению, поддерживать того или другого претендента дешевле и выгоднее, нежели занимать страну. А главное «не захватами достигнем мы прочного положения в Средней Азии, а основательным изучением страны, уяснением действия при различных возможных политических обстоятельствах, в особенности же подготовлением средств для исполнения наших планов со всевозможными шансами на успех, если можно так выразиться, наверняка»¹⁹.

Так как условия степной войны в Средней Азии, где природа страшнее неприятеля, требует, прежде всего по возможности всестороннего знакомства со страной, в которой предстоит воевать, то Скобелев предлагает свои услуги: двинуться из Туркестана в Хиву с купеческим караваном и пройти далее к Каспийскому морю. Он составил большой список вопросов, на которые должны быть получены ответы, – тут и количество воды в степи (ручьи, колодцы, ямы), и оазисы с их населением, растительность, вопрос о корме для лошадей и т. д.

Тем временем Петербург едва не был поставлен перед свершившимся фактом вторжения в Хиву Красноводского отряда. Его командир Н. Г. Столетов и начальник кавалерии М. Д. Скобелев решили предпринять «самодеятельное» наступление на Хивинское ханство. Их намерения пресек начальник штаба Кавказского военного округа генерал А. П. Свистунов. Прибыв в Красноводск, он запретил отряду продвигаться вперед без разрешения Тифлиса. В резуль-

¹⁸ Цит. по: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М., 1965. С. 225.

¹⁹ Цит. по: Кнорринг Н. Н. Указ. соч. С. 26.

тате дело приняло скандальный оборот. Столетов был отстранен от командования отрядом, а Скобелев отчислен из группы офицеров, находящихся при главнокомандующим кавказской армией.

Начальником Красноводского отряда был назначен полковник В. И. Маркозов. И все же ошибались не Столетов со Скобелевым, а сам Свистунов, не проявивший «понимания истинных видов правительства». Царские власти вовсе не были намерены отказаться от утверждения своего господства над Хивой. Участь ханства была окончательно решена 3 декабря 1872 года на особом совещании руководителей основных министерств при участии Александра II.

По предложению Кауфмана совещание приняло решение силой вынудить Хивинское ханство принять требование Российской империи и поручило руководство военной экспедицией туркестанскому генерал-губернатору (при содействии оренбургских и кавказских войск). Предусматривалось, что ханство не будет ликвидировано или аннексировано, а «лишь подчинено, наравне с другими соседними среднеазиатскими владениями, нашему влиянию в видах развития наших торговых интересов»²⁰.

В феврале 1873 года русские войска начали наступление на Хиву. Со стороны Красноводска выдвигался отряд во главе с полковником В. И. Маркозовым, из Александровска – отряд полковника Н. П. Ломакина, из Оренбурга – отряд генерала Н. А. Веревкина, из Ташкента – основной отряд под начальством полковника Н. Н. Головачева. С отрядом Головачева отправился и руководитель экспедиции К. П. Кауфман. Подполковник М. Д. Скобелев находился в отряде Н. П. Ломакина. Общая численность участников Хивинского похода превышала 12 тыс. человек.

4

Отряду Ломакина, или Мангышлакскому отряду, как он тогда назывался, приходилось очень трудно: и людям, и животным не доставало воды. Драгоценную влагу везли на верблюдах в бурдюках, но зной был такой нестерпимый, что запасы быстро истощались. На пути отряда кое-где попадались колодцы, т. е. глубокие узкие ямы, на дне которых виднелась вода. Но что это была за вода! В одних колодцах она была желтоватая, в других зеленая, везде теплая и прогоркло солоноватая на вкус. Киргизы, чтобы навредить русским, в некоторые колодцы набросали падаль – гниющие трупы козлов, собак, но и такой воде русские воины были рады в пустыне Устюрт. Отчаяние охватывало и офицеров, и солдат, когда, пройдя десяток-полтора километров, на дне колодца обнаруживали одну лишь липкую грязь. Приходилось идти к следующим колодцам по невыносимой жаре. Верблюды то и дело падали; людям приходилось снимать с них груз и нести самим.

Шли большей частью ночью и вечером, чтобы воспользоваться несколькими часами прохлады. Днем останавливались на привал. Но эти привалы были мукой для людей. Приходилось ложиться прямо на раскаленный песок. Солнечные лучи жгли нестерпимо, словно тысячи невидимых копий вонзались в истомленное тело. Люди ежеминутно поворачивались с боку на бок. Кое-кто из солдат вырывал себе яму в виде могилы и ложился в нее, обсыпая все тело влажной землей, а голову укутывая шинелью. Те, кого особенно мучила невыносимая жажда, вырывали руками из-под песка влажную землю и сосали ее. Были случаи, что солдаты сходили с ума от этой муки, но отряд, несмотря ни на что, все-таки продвигался вперед.

Строй давно уже был нарушен, тянулись вразброд; кто еще держался на ногах, нес потерявших силы товарищей, для которых не хватало места на верблюдах, едва передвигавших ноги. Офицеры перемешались с солдатами и шли, уже не помышляя о сохранении обычного порядка, а думая лишь о том, как бы облегчить страдания своим подчиненным.

²⁰ Цит. по: Халфин Н. А. Указ. соч. С. 306.

В одной группе шел пешком совсем еще молодой подполковник Генерального штаба. Он был красив и строен, черты лица крупны, но гармоничны. Голубые лучистые глаза смотрели гордо и даже несколько презрительно. Шел, стараясь сохранить молодцеватый вид: по крайней мере, не гнулся, как многие из его товарищей, шел с высоко поднятой головой; его белый китель был застегнут на все пуговицы, скатанная шинель перекинута через плечо.

Видимо, только страшным усилием воли подавлял он невыносимые страдания, выпавшие на долю отряда на этом пути. Веки глаз были воспалены; то и дело проводил сухим языком по запекшимся и почерневшим губам. Иногда он приостанавливался, тяжело переводил дыхание и опять, стараясь держаться ровно, шел вперед.

– О-ох, смертушка! – вдруг вырвался хриплый не то вой, не то вопль у шедшего впереди солдата.

Бедняга пошатнулся и упал бы, если бы заботливо не поддержал шедший сзади него молодой подполковник.

– Что, брат, тяжело? – участливо спросил он едва переводившего дух солдата.

И в голосе, и во взгляде офицера было столько ласки и участия, что солдат инстинктом почувствовал их и поспешил отозваться:

– Смерть лютая легче, ваше высокородие, а не токмо что...

– Держись, сердяга! Держись... Давай ружье понесу!..

Это предложение было так необычно, что солдат и об усталости позабыл.

– Никак нет, ваше высокородие, – растерянно лепетал он, – не можно так...

– Говорю, давай – значит можно! – несколько повысил голос офицер и чуть не вырвал у солдата ружье.

Подполковник подхватил его под руку, как подхватывают охотники – дулом к земле, и быстро зашагал вперед, даже не взглянув на совершенно оторопевшего солдата.

Солдат вскоре опомнился и бегом пустился догонять офицера.

– Ваше высокородие, дозвоьте обратно, – взмолился он, догнав его.

Подполковник взглянул на него своими лучистыми глазами и ласково улыбнулся.

– Полегчало? – спросил он.

– Так точно, ваше высокородие, то есть как рукой сняло...

– Ну, слава богу! Как зовут?

– Макаров, ваше высокородие.

– Самарского полка?

– Ну, держись, молодец; помни, государю и родине служишь...

С середины апреля отряд из Александровска шел несколькими колоннами, и воины, входившие в него, были вполне надежны. Пехота принадлежала к старейшим полкам русской армии, насчитывавшим более столетия своего существования. За долгую службу знамена их видели во Франции, в Италии, Швейцарии, Турции, Персии и в Германии. Они покорили Кавказ и имели все отличия, какие только даются за подвиги: надписи на шапках, серебряные трубы и рожки, георгиевские знамена. Кавалерия отряда состояла из казаков и горцев Дагестанской области.

В первой колонне начальником был старый кавказец майор Буравцов. Второй колонной командовал полковник Тер-Асатуров. Третью колонну вел сам начальник отряда полковник Ломакин.

Все эти колонны направлялись от форта Александровска по степному пространству до колодцев Каунды, отсюда уже по пустыне Устюрт до колодцев Сенека и далее по пескам до колодцев Биш-Акты. Здесь все колонны соединялись и, оставив отряд для сдерживания киргизов, направлялись через пустыню на хивинский город Кунград, где предполагалось соединение Мангышлакского отряда полковника Ломакина с Оренбургским отрядом генерала Веревкина.

Почти две недели шел Мангышлакский отряд по пустыне.

Скобелев во время похода был впереди. Отдельной колонной он командовал недолго – когда прошли треть пути, до колодцев Буссага, где Ломакин счел необходимым не раздроблять своего отряда, а вести его поэшелонно. Михаил Дмитриевич все-таки остался во главе авангарда...

Скобелев перед выступлением из Биш-Акты продумал и предусмотрел все до мелочей. В его колонне за время пути до колодцев Буссага, т. е. в течение двух дней, не было брошено ни одного выюка. Все было сохранено, и колонна потеряла только двух малосильных верблюдов, которых пришлось бросить на дороге.

Стоило кому-нибудь отстать, как командир тут же оказывался возле отставшего. Начинались расспросы, но не строгие, без угроз, без сердитого крика. Если он видел, что отставший действительно выбился из сил, подполковник приказывал посадить его на верблюда. Солдат отдыхал, и сам без принуждения возвращался в строй. Если же отставший оказывался просто лентяем, командир стыдил его перед всеми и приказывал возвращаться к товарищам. Таким мудрым обращением он добился того, что даже лентяи перестали отставать и шли так же бодро, как и их более энергичные товарищи.

Так прошли мимо родника Камысты, колодцев Каращек и Сай-Кую.

Во время второго перехода Михаил Дмитриевич обнаружил такую проницательность, какой и предугадать было невозможно в человеке, еще недавно покинувшем Петербург и во второй раз в своей жизни очутившимся среди песков. Он нашел родник с водой там, где о ней не знали даже проводники-киргизы. Это было на переходе от родника Камысты к колодцу Каращек. Переход был в тридцать километров. В Камысты вода была родниковая, солоноватая, сильно отдававшая окисью железа, неприятная на вкус и с плохим запахом. Но проводники предупредили, что в Каращек вода совсем плохая. Ввиду этого Скобелев приказал запастись родниковой водой. Зарезали козлов, и из их шкур киргизы понаделали бурдюков.

Приказано было также не бросать желудков и кишок. И они пошли в дело. Желудки были тщательно вымыты и наполнены водой, уложены в мешки, а затем погружены на верблюдов. Кишки тоже тщательно перемыли, налили в них воды, и солдаты несли их на себе, наматывая на руки или вокруг тела.

Должно быть, прежде чем выступить в поход, Михаил Дмитриевич, стараясь изучить местность, расспрашивал о пустыне киргизов. Иначе трудно себе представить, как после Камысты он вывел свою колонну прямо к колодцам Аще-Кую, – вывел, несмотря на то, что два проводника ничего не знали о них, расположенных в глубоком овраге. Вода в них была горькая, но ее пили, не разбирая вкуса...

– Чего там вкус, – говорили солдаты, – была бы хоть какая-то матушка-водица, а остальное все равно!..

Горькую воду пили, ею пополнили запасы, и не напрасно. В Каращек вода действительно оказалась такой, что от нее отворачивались даже неприхотливые русские солдаты. Она была жутко соленой и до того нечиста, что взгляд на нее вызывал отвращение...

Скобелевская колонна недолго оставалась тут и перешла к Сай-Кую, где вода все-таки была сносная, хотя и солоноватая.

Здесь колонна отдохнула, набралась сил и лишь тогда двинулась к колодцам Буссага, когда на смену ей пришла в Каращек вторая колонна.

И этот переход прошли бодро. Здесь наблюдалась кое-какая жизнь. Выскакивали тушканчики, выползали змеи, часто видны были большие ящерицы, гревшиеся на солнце. Иногда кто-нибудь из особенно веселых солдат принимался гоняться за тушканчиком, и тогда в колонне поднимался веселый хохот, свидетельствовавший о том, что люди сохранили бодрость духа...

Скобелев поощрял эти невинные забавы. Иногда он сам отъезжал несколько в сторону и, улыбаясь, любовался на развеселившихся солдат.

– А ведь что, братцы, – говорили после в колоннах, со смехом пойдем, так и дороги не заметим!

– Уж такой командир! Знает, чем нашего брата подбодрить...

– У других этого нет: все всерьез!

И подбодрившиеся солдаты весело шагали по мертвой песчаной пустыне.

В Буссагу добрались поздно вечером. Весь пройденный путь по страшным безводным пространствам от колодцев Арт-Каунды до Сенеки был только преддверием к пустыне Устюрт. До сих пор колодцы довольно часто попадались, в Устюрте же их можно было встретить на расстоянии пятидесяти-семидесяти километров. Последняя жизнь исчезала в Буссаге. Далее по Устюрту уже не попадались на глаза ни тушканчики, ни полевые мыши, только змеи и ящерицы видны были здесь чуть ли не на каждом шагу. Пропадала даже скудная растительность. Кое-где попадались полынь да небольшие кусты саксаула.

Сухость воздуха поразительная. Дожди бывают очень редко, и дни стоят постоянно ясные. В раскаленном воздухе заметно легкое дрожание: это испарение земли. Миражи смущают путника постоянно. Раскаленный воздух придает чудные формы отражаемым им предметам. Путнику видятся то зеленые рощи, манящие его своей тенью, то великолепные замки, то широкие реки, катящие тихо свои воды. Истомленные жаждой и палящим зноем, несчастные напрягают последние силы, кидаются вперед, но мираж исчезает, и наступают ужасные муки разочарования. Человека, вступившего сюда в первый раз, охватывает ужас. Ему кажется, что нет надежды выйти отсюда живому, потому что не для человека создано это проклятое место. Следы разрушений и уничтоженной жизни в виде белеющих костей людей или животных как бы подтверждают эти мрачные мысли путника.

В качестве начальника авангарда Скобелеву первому со своими людьми приходилось подходить к колодцам. Здесь каждая капля воды была драгоценностью. Живительную влагу нужно было беречь как зеницу ока. Воды в колодцах обыкновенно бывало мало, а между тем каждый в отряде должен был получить хотя бы по несколько глотков ее, пополнить запасы, истраченные во время перехода; нужно было напоить животных: верблюдов и баранов.

Истомившиеся животные, приближаясь к колодцам и чуя воду, бросались к ним опрометью еще издали. Иногда нахлынувшие массой животные с разбегу попадали в ничем не огороженные колодцы и тонули там. Часто бывали также случаи, когда истомленные жаждой люди, забыв обо всем на свете, кидались к воде и, конечно, напрасно тратили ее, проливая из ведер, расплескивая при передаче ведра от одного солдата к другому. Порой люди вступали из-за воды в борьбу, словно обезумевшие животные. Случалось и так, что подолгу не удавалось восстановить порядок.

Однако Скобелев умел предусматривать даже случайности. При приближении к колодцу высылались вперед команда надежных солдат, которые оцепляли его и никого не подпускали, пока добывалась драгоценная влага. Затем устанавливалась очередь. Вода раздавалась строго отмеренными порциями, и ни капли ее не пропадало напрасно.

Солдаты заметили, что их командир получает свою порцию воды всегда последним, и это невольно вызывало уважение и побуждало каждого быть терпеливым и строго соблюдать очередь.

Командир авангарда добился полного порядка, не прибегая ни к строгим приказаниям, ни к внушениям, а единственно силою своего личного примера.

Прошли по Устюрту мимо колодцев Каракин, Дюсембай, Черкезлы, Ак-Мечеть и отсюда по безводному на протяжении семидесяти пяти километров пространству к колодцам Ильтедже. Здесь отряду был дан продолжительный отдых. В колодцах вода имела в изобилии, и вкус ее был вполне сносен.

Во время стоянки в Ильтедже получено было известие, что Красноводский отряд полковника Маркозова потерпел неудачу. Пройдя по пустыне около двух третей пути, этот отряд

потерял почти всех животных и во избежание гибели людей должен был ни с чем возвратиться в Красноводск.

У Ильтедже Скобелеву снова пришлось стать во главе небольшого, но отдельного подразделения.

Дело в том, что весть о наступлении «белых рубах» – так звали русских – уже успела разнестись по всем кочевьям. Хивинцы видели, что русские почти прошли уже пустыню Устюрт, и «проклятое место» не защитило их оазиса от смелых пришельцев. Но они могли еще остановить движение и даже погубить весь отряд, достаточно испортить воду в колодцах на пути следования экспедиции.

И как ни закалены лишениями войска Ломакина, движение по пустыне стало бы для них невозможным, и отряду пришлось бы вернуться обратно. Следовало предупредить покушение на колодцы, и Ломакин поручил это трудное и ответственное дело Михаилу Дмитриевичу.

Скобелев охотно принял поручение и просил только одного: разрешить «действовать сообразно с обстоятельствами». Это ему было разрешено, и небольшой порученный Скобелеву отряд выступил в четвертом часу утра 1 (13) мая из Ильтедже.

До наступления зноя достигли колодцев Байлар, и здесь Скобелев дал своему отряду продолжительный отдых. Пробыли у Байлера, пока не стал спадать зной. Солнце пекло невыносимо, но скобелевцы держались стойко. Никто из них не метался по бивуаку, не слышно было ни стонов, ни жалоб. Напротив, истомленные люди шутками поддерживали бодрость духа. На всех действовал ободряюще пример начальника. Будто не из плоти и крови был этот человек! Джигиты-киргизы, находившиеся в его небольшом отряде в качестве проводников, выглядели истомленными, и их допекал палящий зной, а Михаил Дмитриевич держался так, как будто не было ни отвесно падавших с неба лучей, ни раскаленной пустыни.

Из Байлара перешли к колодцам Кизил-Ахир. Далее надо было пройти пятьдесят три километра до колодцев Байчагир. Спешить, во что бы то ни стало! В пустыне начали попадаться следы людей. Кое-где виднелись кости павших животных, были заметны протоптанные тысячеголовыми стадами тропинки, колеи от тяжелых колес арб местных жителей, следы конских копыт. Что стоило этим людям, покинув место стоянки, засыпать оставляемые колодцы?

Скобелев с двенадцатью казаками и десятью проводниками-киргизами, оставив остальных своих воинов на майора Аварского, на рысях помчался к Байчагиру. Колодцы, за участь которых так переживал Михаил Дмитриевич, оказались нетронутыми: он пришел к ним раньше, чем туркмены. Отряд был обеспечен водой, но русских так мало, что неприятель мог в любую минуту разбить эту жалкую горсточку самоотверженных удалцов. Приходилось сразу после утомительного перехода приниматься за тяжелую работу. Казаки и киргизы-проводники, едва утолив жажду, начали насыпать около колодца траншеи, за которыми они могли бы отсидеться в случае нападения неприятеля. Скобелев с поразительной неутомимостью руководил всеми работами. Быстро выросли завалы, и когда подошла остальная часть воинов, для них уже было готово надежное укрытие.

Едва люди отдохнули и собрались с силами, как Скобелев, оставив, десятка два своих стрелков у Байчагира, который, благодаря его распорядительности, явился превосходным опорным пунктом для всего отряда, поспешил снова выступить в пустыню. Теперь перед русскими открывался солончак Барса-Кильмас. Пройти по нему невозможно, оставалось только обойти его. Необходимо было узнать, с какой стороны сторожит выход из Устюрта неприятель, с тем, чтобы выйти с противоположной, безопасной, и Михаил Дмитриевич решил произвести рекогносцировку. Впереди были колодцы Мендали и Итыбай, от которых шел удобный путь по берегу высохшего Айбугирского залива прямо на город Куня-Ургенч, где Ломакин предполагал соединиться с отрядом генерала Веревкина.

До Мендали подразделение Скобелева добралось спокойно, но не успело дойти несколько километров к Итыбаю, как впереди показался идущий навстречу караван из тридцати верблюдов. Это были первые люди, которые повстречались Мангышлакскому отряду в пустыне.

«Необходимо взять их!» – решил Скобелев и с десятком казаков помчался к каравану. Там уже увидели русских. Вожаки побросали верблюдов, стали на колени, с мольбою простирая вперед руки. Конечно, их не тронули. Скобелев приказал толмачам (переводчикам. – А.Ш.) расспросить их и узнал, что позади у колодцев Итыбай стоит большой караван известного в степях киргиза Нафара Караджигитова. Михаил Дмитриевич теперь уже всего с семью казаками и двумя офицерами вихрем помчался к Итыбаю. Там действительно оказался уже большой караван. При верблюдах, везших по степным кочевьям разные товары, было свыше ста пеших и всадников. Они встретили Скобелева выстрелами, а один, нахлестывая коня, помчался назад в пески.

Скобелев, бросив караван, ударился за ним в погоню и невдалеке за Итыбаем наткнулся на второй караван. Киргизы не оказали сопротивления и покорно повиновались русским, согнавших всех к колодцам. Но там оба каравана соединились, и начальники сообразили, что у них около двух сотен людей, а русских всего только десяток. Появились спрятанные дотолеружья, по русским затрещали выстрелы, положение становилось угрожающим.

Отойти не представлялось возможным. По всем кочевьям разнеслась бы тогда весть, что «белые рубахи» разбиты... Так или иначе, а следовало действовать. Вся надежда возлагалась лишь на то, что успеет подойти майор Аварский с пехотой и остальными казаками. Но и медлить было нельзя. Одного казака уже ранили, под другим – убили лошадь. Киргизы смелели с каждой минутой все более и более. Они, громко крича, уже начали наступать.

– Ребята! В пашки их! – крикнул Скобелев и первым ринулся на врага.

Вместе с ним врубился в неприятельское скопление штабс-капитан Кедрин. Не обращая внимания на пики, врезались в живую массу остальные. Несколько минут на солнце сверкала сталь окровавленных пашек, слышалось гиканье казаков, хриплые крики киргизов. Но численное превосходство находилось на стороне неприятеля. Пораженный пикией в бок, лежал на земле Кедрин; пули ранили казака и дагестанца. Скобелев азартно рубился и был весь в крови. Его тоже ранили, но он этого даже не замечал. Под ним убили лошадь, но и пеший он продолжал драться.

Верх в схватке, очевидно, оставался за киргизами. Контуженными оказались еще два бывших со Скобелевым офицера и четыре казака. Но вдруг совсем близко грохнуло русское «ура». Это майор Аварский, узнав, что происходит у Итыбая, с ротой апшеронцев и взводом самурцев кинулся на помощь погибавшим товарищам. Появление подмоги разом изменило все. Киргизы, услышав боевой клич русских, на лучших своих верблюдах пустились в солончак. Слабым голосом Скобелев, едва державшийся на ногах, приказал раздать казакам ружья пехотинцев и преследовать убежавших. Аварский сам повел отряд в погоню. Киргизы были рассеяны, и преследователи скоро возвратились к месту схватки.

Двести превосходных верблюдов с имуществом, крупой, мукой и всякого рода оружием достались победителям. Самым драгоценным в этой добыче были верблюды. Благодаря им обеспечивалось спокойное передвижение отряда всю оставшуюся часть пути. Скобелев получил семь легких ран пиками и пашками и, истощенный от потери крови, не мог держаться на коне. Колонна его осталась у Итыбая, куда через день к ней прибыл сам начальник отряда, поздравивший скобелевцев с первой победой.

Из Итыбая колонне пришлось возвратиться обратно, но не к Байчагиру, а к колодцам Алан, где собрался весь Мангышлакский отряд, которому генерал Веревкин прислал приказание идти не на более близкий Куня-Ургенч, а в обход Барса-Кильмаса к Кунграду. 14 (26) мая Мангышлакский отряд Ломакина соединился у канала Карабайли близ Кунграда с Орен-

бургским отрядом Веревкина. Труднейшая часть похода была позади; теперь оставалось идти на Хиву.

5

Соединенный отряд двинулся к Ходжейли, где, по слухам, находилось около 5 тыс. хивинских войск, причем конницу составляли узбеки и туркмены. Русские войска подошли к Ходжейли тремя колоннами. К обозу назначено было довольно сильное прикрытие. Характер местности, по которой двигались наши войска, был равнинный: обработанные поля перерезывались множеством оросительных каналов (арыков), через которые были устроены мостики. Часто попадались также заборы, изгороди, сады. Подойдя к Ходжейли, передовые войска встретили группы неприятельской конницы, которые, после нескольких выстрелов ракетной батареи, поспешно отступили.

Видимо, хивинские всадники боялись состязаться с казаками, которые, напротив, так и рвались в бой. Подойдя к Ходжейли 16 (28) мая, Веревкин остановился. Ломакину с кавказскими войсками приказано было обойти город с западной стороны. Оренбургский отряд должен был действовать с фронта. Вследствие крайне затруднительной для движения местности Ломакин не успел отрезать неприятеля, который поспешно отступил при наступлении с фронта Оренбургского отряда.

Город был занят без сопротивления. Затем Веревкин двинулся далее и 20 мая (1 июня) подошел к Мангыту. Близ города произошло столкновение с хивинской кавалерией, которая атаковала во фланг наших казаков, бывших под командой полковника Леонтьева. Последний спешил своих казаков и огнем отразил это нападение. Попытка неприятельской конницы атаковать русскую пехоту и обоз тоже окончилась неудачей и была отбита огнем.

Вслед за этим войска выступили в Мангыт, жители которого изъявили полную покорность. Потери под Мангытом были самые ничтожные (7 человек). На следующий день Веревкин двинулся далее. Скобелеву же с двумя сотнями казаков и ракетной командой приказано было произвести набег на ближайшие аулы с целью разорения и уничтожения их – в наказание за то сопротивление, которое туркмены оказали русским войскам. Скобелев успешно выполнил свою миссию, отобрал у жителей оружие, скот и затем вернулся к отряду.

Во время движения русских войск хивинцы продолжали отступать, стараясь портить мосты и дороги. Впрочем, это ими исполнялось довольно небрежно и далеко не отважно. При приближении русских хивинские всадники обыкновенно стремительно удирали. Так, 21 мая (2 июня) часть хивинской кавалерии пыталась напасть на обоз, но была отбита.

На следующий день отряд продолжал движение. Для прикрытия колесного обоза, который вообще чаще всего подвергался нападению хивинцев, назначено было три роты, две сотни и два орудия под командой Скобелева. В этот раз хивинцы проявили особенную настойчивость и энергию: несколько раз бросались на прикрытие Скобелева и особенно на обоз. Хотя им и удалось отбить три арбы и два верблюда, но этот успех, конечно, не вознаграждал их за те потери, которые они понесли от огня русских войск.

Скобелев подпускал хивинских всадников на самое близкое расстояние и затем открывал по ним, чуть не в упор, огонь залпами.

Вообще он обнаружил во время этих нападений на обоз необычную энергию и храбрость и сам не раз бросался в атаку со своими казаками на превосходящие силы неприятельской кавалерии. Во время этих стычек Скобелев потерял девять человек убитыми и ранеными; потери хивинцев были более значительны.

23 мая (4 июня) отряд Веревкина двинулся далее, и его авангард подошел к большому каналу Клыч-Нияз, через который был устроен мост, который хивинцы во время отступления сожгли, и русским саперам пришлось вновь его устраивать. Наконец мост был готов,

отряд переправился и двинулся далее, к городу Кяту. В авангарде был Скобелев с двумя сотнями. Быстро продвигаясь вперед, он не допустил хивинцев испортить несколько мостов через каналы.

25 мая (6 июня) Скобелев пошел к Кош-Купырю, имея в виду захватить переправы на оросительных каналах этого населенного пункта.

Двигаясь к Кош-Купырю, передовой разъезд авангарда Скобелева наткнулся на неприятельский пикет человек в 50 и атаковал его. Хивинцы обратились в бегство. На их плечах казаки подскакали к мосту и овладели им в то время, когда его уже начали поджигать. Отступившие хивинцы засели на противоположном берегу в садах и открыли оттуда по казакам сильный огонь. Подъехавший в это время Скобелев приказал казакам спешиться, переправиться через канал и выбить неприятеля. Но хивинцы, не дожидаясь атаки, бежали.

26 мая (7 июня) Веревкин двинулся вперед и остановился в 6 километрах от Хивы, в саду роскошного ханского летнего дворца, возделанного руками русских пленников. Скобелеву же с авангардом приказано было выдвинуться несколько вперед, километра на два.

Со своими двумя сотнями Скобелев подвигался к Хиве. Сначала дорога шла между садами, огороженными высокими глиняными стенками, затем открылась широкая поляна, где на расстоянии около полукилометра виднелась группа хивинских всадников, разбиравших мост через большой арык. Скобелев против них выдвинул казаков с ротмистром Алихановым, который быстро поскакал вперед, захватил мост и помчался вслед за бежавшими неприятельскими всадниками.

Дорога пролежала между высокими стенками двух садов. Скобелев следовал с одной сотней вслед за Алихановым. Пройдя упомянутое дефиле, Михаил Дмитриевич вдруг заметил с двух сторон новые значительные неприятельские партии: одна, пешая, занимала сады, другая, конная, расположилась отдельно. Видимо, хивинцы были очень смущены внезапным появлением русских. Скобелев воспользовался этим удобным моментом и атаковал конную группу неприятеля. Почти на протяжении километра казаки гнали хивинцев. Но так как от Веревкина Скобелев получил инструкцию не подходить слишком близко к стенам Хивы и не увлекаться преследованием, то он остановил своих разгорячившихся казаков и начал отступать вместе с сотней Алиханова.

Это отступление хивинцы истолковали как трусость казаков. Быстро собравшись в большие отряды, они стали преследовать отступавшие сотни. Тогда Скобелев спешил казаков и открыл частый огонь, заставивший хивинцев отхлынуть назад. Между тем часть неприятельской пехоты из-за стенок садов продолжала обстреливать узкий проход между ними, по которому предстояло отступать казакам. На этих стрелков Скобелев направил взвод спешенных уральцев. Затем сотни вошли в дефиле, причем отступление прикрывал ротмистр Алиханов с двумя взводами. Учащенная перестрелка была услышана Веревкиным, и он направил на помощь Скобелеву подкрепление с несколькими пушками. Только тогда хивинцы отступили.

Утром 27 мая (8 июня), когда русский отряд отдыхал, более тысячи хивинских всадников стремительно напали на верблюжий табун, находившийся близ его левого фланга. Они смяли аванпосты, с гиком и ружейной пальбой отхватили значительную часть табуна и погнали его к городу. Все это произошло в несколько минут.

Раздавшиеся выстрелы и крики подняли тревогу в русском отряде. Ближайшие к табуну роты открыли огонь по уходившим хивинцам; при этом особенно отличилась рота апшеронцев, случайно проходившая вблизи места катастрофы и открывшая огонь по противнику. Находившийся в авангарде Скобелев своевременно заметил это нападение хивинцев на верблюжий табун. Приказав пехоте оставаться на месте, он с двумя сотнями и ракетными станками помчался через сады наперерез отступавшим хивинцам. Проскакав садами около двух километров, Скобелев выскочил на открытую равнину, по которой в это время хивинские всадники гнали верблюдов.

Скобелев развернул свои сотни и решил атаковать противника, несмотря на сильный ружейный огонь, который открыла хивинская пехота, занимавшая сады, Михаил Дмитриевич махнул шашкой – и его казаки лихо помчались в атаку на хивинскую кавалерию. Несколько десятков неприятельских всадников было изрублено, значительная часть верблюдов отбита.

В это время прибыла помощь – две сотни казаков во главе с Леонтьевым, которого послал Вережкин. Тогда Скобелев собрал свои сотни и пустил их в новую атаку – на хивинцев, около 500 человек которых вышли на равнину из садов. Атакованная с фронта и фланга, эта толпа была быстро рассеяна, часть изрублена. Испуганные хивинцы искали спасения в своих садах и арыках. Тогда Скобелев спешил часть казаков и атаковал сады, в которых скрылась неприятельская пехота. Леонтьев же со своими двумя сотнями продолжал преследовать хивинских всадников и отбил еще часть верблюдов. Таким образом, нападение хивинцев окончилось для них полной неудачей. Они понесли значительные потери, у русских же оказалось только 10 убитых и раненых.

Вережкин приказал Скобелеву произвести тщательную рекогносцировку местности не далее двух километров от передовой позиции, с тем, чтобы авангард к ночи был переведен вперед, если для этого будет выбрано удобное место.

Около 5 часов вечера Скобелев выступил с двумя сотнями и двумя ракетными станками. Вскоре появились неприятельские всадники, которые отступили и затем собрались в кучи. Несколько пущенных ракет заставили их рассеяться. Скобелев выбрал новую позицию и начал отступать, чтобы затем сюда перевести свою пехоту, оставшуюся на прежнем месте. Но лишь Скобелев начал отступление, как хивинцы стали нападать на цепь русских воинов. Он принужден был пустить в атаку своих казаков и заставил противника отступить.

Затем весь авангард Скобелева подошел к новому месту расположения. Дело было уже к вечеру. Значительные массы хивинцев снова собрались, как бы намереваясь произвести нападение на слабый отряд русских. Тогда Скобелев придумал хитрость. Две роты пехоты он скрытно расположил за валиком на берегу арыка, а казакам приказал постараться подвести хивинцев под огонь этих рот.

Ротмистр Алиханов с несколькими казаками подскочил довольно близко к толпе хивинцев, а затем стал медленно отходить к месту расположения рот.

Видя незначительное количество казаков, хивинцы пустились запальчиво их преследовать. Не доезжая шагов ста до засады, Алиханов с казаками быстро подался в сторону и очистил место перед фронтом. Раздались дружные залпы, и хивинцы обратились в беспорядочное бегство, оставив на месте несколько трупов.

Наступавший авангард Скобелева, находившийся в четырех километрах от места расположения главных сил, подвергался большой опасности. И если бы хивинцы были немного посмелей, поэнергичней, они легко могли его уничтожить. Но хивинцы ограничились только ружейным огнем.

Утром 28 мая (9 июня) весь русский отряд двинулся к Хиве с целью произвести рекогносцировку ближайших окрестностей и укреплений. Лишь только войска подошли довольно близко к городу, как с крепостных стен был открыт пушечный огонь. Но неприятельские снаряды перелетали через головы воинов. Русская артиллерия была выдвинута на позицию и тоже открыла огонь. Шедшие в авангарде две роты апшеронцев стремительно атаковали находившиеся за мостом через канал два хивинских орудия и овладели ими, несмотря на сильный огонь, открытый с городских стен. Затем подошли главные силы, и число орудий, стрелявших по городу, увеличилось. Попытка русской пехоты овладеть еще одним неприятельским орудием окончилась неудачей.

Считая цель рекогносцировки достигнутой, Вережкин приказал начать отступление. В это время он был ранен пулей в лицо и вместо него командование отрядом принял полковник Саранчев. Во время этой рекогносцировки Скобелев находился в тылу, прикрывая обоз.

В то время когда с севера к Хиве подоспел соединенный Оренбургско-Кавказский отряд, с юга к городу медленно подходил Туркестанский отряд, во главе которого находился начальник всей этой тяжелой экспедиции генерал-лейтенант Кауфман.

В своей прокламации к хивинскому народу Кауфман писал, что «идет войной не против мирных жителей, а лишь для наказания хана и его правителей, искони веков враждебно действовавших против России и угнетавших народ»²¹. Эти прокламации благотворно действовали на жителей.

Между тем в Хиве начались беспорядки. Одна партия желала мира, другая требовала войны. Хан был слабый, безвольный человек, и всеми делами управлял его дядя, хитрый и жестокий Мат-Мурад. Наконец, Мухаммед Рахим бежал из города к туркменам-иомудам и старшим лицом в Хиве стал дядя хана. Последний отправил к Вережкину депутацию с просьбой прекратить военные действия. К Кауфману же, который с туркестанским отрядом находился в то время километрах в 20 к югу от Хивы, выехал с той же просьбой двоюродный брат хана. Кауфман потребовал безоговорочной сдачи города и выдачи всего оружия.

После обещания хивинцев прекратить военные действия против русских Кауфман послал приказание Вережкину тоже прекратить стрелять по городу и оставаться на своем месте. Но, очевидно, Вережкин захотел показать, что, собственно, Хиву взял он, а не Кауфман. Поэтому Вережкин приказал овладеть северными, так называемыми Хазаватскими воротами, в чем, в сущности, не было надобности. Так как хивинцы не хотели добровольно открыть ворота, то Вережкин приказал пробить сначала брешь в воротах, а затем овладеть ими.

Во исполнение этого приказа утром 29 мая (10 июня) был открыт артиллерийский огонь по Хазаватским воротам и городу. Вскоре в воротах была пробита брешь, в которую ворвались две роты во главе со Скобелевым. Пробежав около 250 шагов под огнем с крепостных стен (видя, что русские открыли огонь, и хивинцы стали отвечать им тем же), роты ворвались в крепость. Первым влез в пробоину Скобелев, за ним поручик Шувалов и капитан Арсеев.

Но лишь только Скобелев со своими солдатами очутился в крепости, как по ним хивинцы дали залп, а затем с криками бросились врукопашную. В этой схватке большинство русских воинов было ранено. Между тем ворота выломали и в них вбежали свежие силы, подкрепив прорвавшихся в город скобелевцев, отчаянно отбивавшихся от нападавших на них хивинцев.

Однако генерал Кауфман был не доволен устроенным Скобелевым штурмом Хазаватских ворот, полагая, что можно было без него обойтись. Только заступничество генерала Вережкина избавило молодого офицера от неприятностей со стороны всемогущего ярым-падишаха.

В тот же день Кауфман с Туркестанским отрядом тоже подошел к самой Хиве. Навстречу ему вышла многочисленная депутация во главе с престарелым дядей бежавшего хана. Затем русские войска торжественно, под музыку и с распущенными знаменами, вступили в Хиву. Жители приветствовали русские войска. Все трофеи (25 хивинских пушек, множество ружей и холодного оружия) были собраны в одно место.

Освобождены рабы-пленные, и навсегда в Хивинском ханстве уничтожено было рабство. Русских пленников в Хиве оказалось немного, зато персов – без числа. Участь последних особенно плачевна. Хивинцы смотрели на них как на животных. Вечно в цепях, на ночь приковываемые то к стене, то к особым врытым в землю столбам, эти несчастные влачили самое жалкое существование. Как они прославляли русских, когда были освобождены! Большинство из них возвратились обратно в Персию и лишь немногие остались в Хиве, но уже как свободные люди.

²¹ Цит. по: Струевич А. Один из богатырей XIX века. Остров, 1899. С. 46.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.